

Мелким болотным крабам они пообрывали клешни, оставляя лишь круглые панцири-тельца. Речных креветок, хорошенько промыв, сразу бросали в плетёную корзину. У крошечных рыбёшек отрывали головы и выдавливали потроха — чтобы при варке на зубах не скрипел песок. Возиться со всей этой мелкотой — дело хлопотное, у взрослых на такое терпения не хватает: еды-то на один зубок. Зато ребяташки возились с удовольствием. Ещё бы, их собственный улов! Тут они проявляли завидное упорство.

Разобравшись с рыбёшками да креветками, принялись за добычу поценнее. Вьюны уже уснули и плавали в воде кверху брюхом, так что держать их в чистой воде, чтобы выпустили песок, смысла не было. Гоудань ловко, в два счёта, отрывал им головы, острым бамбуковым щепом вспарывал брюшки и вычищал болотную тину.

— А с рисового угря кожу тоже надо сдирать? — спросил Ван Сюань, покачивая за хвост совершенно безжизненную рыбину и наблюдая, как ловко Гоудань спускает шкуру со змеи.

Змей он теперь ни капли не боялся. В его глазах все эти гады давно превратились в аппетитное, сочное мясо.

«От одной мысли об ужине уже слюнки текут...»

— Этого не надо, — отозвался Гоудань. — Змея-то сама по себе чёрная, страшная. А как шкуру сдёрнешь — гляди, мясо чисто свинина, верно?

Ван Сюань согласно закивал. И правда, очень похоже: такое же нежно-розовое и наверняка безумно вкусное.

Закончив с чисткой, они сполоснули снасти и двинулись в обратный путь. Ван Сюань расправил свои измятые штанишки и быстро натянул их — благо они остались сухими.

А вот Гоуданю надевать было нечего. Его единственные штаны, которые он постирал во время купания, ещё только подсыхали на кустах. Он снял их с ветки, накинул пояс с резинкой прямо на шею, словно хомут, забрал часть снастей и преспокойно пошагал впереди, сверкая голым задом.

Ему было не привыкать возвращаться домой нагишом после купания, да и Ван Сюань давно перестал смущаться. Мальчишки частенько мылись в речке вместе.

— Отец, отец, мы вернулись! — звонко закричал Гоудань ещё с порога.

Ли Сы, который давно поджидал ребят, вышел навстречу. Он забрал у них снасти и с любопытством заглянул в корзину, оценивая улов. Покопавшись на дне корзины и не найдя крупной рыбы, он ничуть не удивился. В его детстве речной живности водилось куда больше, а за последние годы прожорливая детвора вычерпала всю крупную рыбу дочиста.

— Сначала за стол, — скомандовал Ли Сы.

Мальчишки разобрали свои миски и палочки. Пиала Ван Сюаня была самой красивой в доме — Ли Сы как-то выменял её в уезде, когда ходил туда на подработку. Сами они с Гоуданем хлебали из грубых, потемневших от времени глиняных чашек, а Ван Сюаню достался изящный белый фарфор с росписью — цветами да птицами. Ли Сы искренне не понимал, почему городские выбрасывают такую красоту. Ему самому-то было всё равно, из чего есть, лишь бы в миске дымилась сытная еда, но о посуде для гостя следовало позаботиться особо.

Плотно пообедав, Гоудань отыскал в сундуке старые шорты. Их когда-то перешила его покойная мать из поношенного отцовского пальто. Он натянул их, с треском оттянул и отпустил тугую резинку, так что та больно шлёпнула его по животу. Не вечно же сверкать голышом перед гостем, в самом деле! Шорты были сшиты на вырост, так что сейчас пришлось в самый раз.

Тем временем Ли Сы зачерпнул пригоршню крупной серой соли и засыпал дневную добычу мальчишек. Он тщательно перемешал рыбу и креветок в миске, чтобы оставить их просаливаться до ужина.

Ван Сюань молча стоял за его спиной и внимательно наблюдал за каждым движением. Ни о чём не спрашивая, он крепко-накрепко запоминал: если поймает рыбу, её нужно сразу выпотрошить, промыть и щедро пересыпать солью.

— Гоудань, тут староста заходил, — негромко произнёс Ли Сы. — Спрашивал, пойдёшь ли ты в школу при коммуне.

Гоуданю исполнилось восемь лет — самый возраст для начальных классов. Вот только за учебники и тетради нужно платить. В деревне многие дети вообще не учились. Большинство родителей отправляли ребятишек в школу просто для того, чтобы дома стало потише, платя несчастные пару мао за то, чтобы чадо было пристроено. Конечно, хватало и тех, кто и шагу в класс не делал: взрослые не видели в этом беды — землю пахать можно и без грамоты. Староста, как человек ответственный, просто выполнял свой долг — собирал списки, чтобы школа знала, сколько заказывать учебников. Настаивать он не собирался: хотите — учитесь, хотите — нет.

— Не пойду, — буркнул Гоудань. — Чего я там не видел?

— Ну, не хочешь — как хочешь, — легко согласился Ли Сы.

Он и сам считал, что от книжек толку мало. Куда полезнее приучать парня к работе в поле.

Ван Сюань молча опустил голову. Он робко поглядывал то на Ли Сы, то на Гоуданя.

«Мне бы так хотелось учиться...»

Матушка при жизни часто наказывала ему обязательно пойти в школу и стать образованным человеком. Ван Сюань до сих пор помнил её слова. Но ведь теперь ему нужно работать, чтобы отрабатывать свой хлеб... Разве до учёбы тут?

Ли Сы не думал обижать Ван Сюаня, просто мальчику ещё не было восьми — совсем кроха. В этих краях считалось, что ребёнок готов к школе либо по достижении восьми лет, либо если он может дотянуться правой рукой через макушку до левого уха. Только тогда ты считался достаточно взрослым, чтобы переступить порог класса.

Ван Сюань нерешительно потёр ладошки о подол куртки и, глядя на названного брата, тихо произнёс:

— А я... я бы хотел учиться.

— Раз хочешь — значит, пойдём! — решительно отозвался Гоудань. Подумав немного, он повернулся к отцу: — Пап, скажи старосте, чтобы записал нас обоих. А плату за книги и учёбу запишем в долг бригаде. Снимут потом с твоих рабочих баллов.

Ли Сы только рот разинул от такой наглости, но Гоудань уже потерял интерес к разговору. Он плюхнулся на кан и принялся дурачиться, упёршись лбом в стену и катаясь на голове из стороны в сторону.

Уставшие за день мальчишки растянулись на свежей, пахнущей зеленью бамбуковой циновке, которую только сегодня закончил плести Ли Сы, и мгновенно заснули без задних ног.

А Ли Сы продолжал работать. Его пальцы, огрубевшие от непосильного труда в поле, были покрыты мозолями и едва сгибались, однако из-под этих изувеченных рук выходили удивительно ладные вещи. Особенно хороши были крошечные корзинки, сплетённые из тончайших, как нити, бамбуковых полос. Трудно было поверить, что такую тонкую работу делает этот нескладный крестьянин.

Проснувшись, Гоудань увидел, что отец всё так же сидит на своём месте и гнёт бамбук. Подтолкнув сонного Ван Сюаня, он увлёк его за собой на улицу — шататься по деревне. После недавней жатвы крестьяне понемногу приходили в себя. Кто-то, как и Ли Сы, чинил закрома, латал мешки или плёл корзины на зиму.

Вдруг впереди показались близнецы Цзиньбао и Иньбао.

— Эй, Цзиньбао, Иньбао! — крикнул Гоудань. — Что это у вас в руках?

Увидев Гоуданя, братья припустили так, что только пятки заблестали. На крики они даже не

обернулись.

— Вот чудные, — фыркнул Гоудань, поворачиваясь к Ван Сюаню. — Чего они припустили? За ними ведь даже собаки не гнались.

«Собаки-то нет, зато за ними гнался ты, братец Гоудань», — подумал про себя Ван Сюань, но вслух лишь тихо предложил, глядя на небо:

— Может, пойдём отсюда?

— Пойдём. На сушильный ток заглянем.

Там всегда крутилось полно народу. Около тока росли два огромных раскидистых дерева, под тенью которых любили собираться местные — посудачить да спастись от полуденного зноя.

На току деревенские старухи переворачивали последнюю партию зерна — из-за недавних дождей его пришлось сушить заново. Просторная площадка манила и взрослых, и детвору.

— О, Гоудань пришёл! — закричал кто-то из мальчишек.

Все знали, что в играх Гоуданю нет равных. И пускай деревенские родители запрещали своим чадам водиться с ним, а сами ребята не раз дрались с Гоуданем из-за глупых дразнилок про его покойную мать, когда дело доходило до дворовых войн, каждый мечтал заполучить его в свой отряд.

— Во что играете? — высокомерно задрав нос, спросил Гоудань.

— В войнушку! Две армии бьются. Будешь с нами?

— Ладно, пишите нас двоих, — кивнул он на Ван Сюаня.

— Тебя возмём, а его нет! — выкрикнул один из заводил. — Он же малявка, правил не знает!

— Или мы играем вместе, или я ухожу, — отрезал Гоудань. — И вообще, командовать буду я.

— Это ещё с какой стати?! — загалдели мальчишки.

— А с такой! — хмыкнул Гоудань. — Без меня вы против Эрхуцзы и его оравы и пяти минут не продержитесь.

Эрхуцзы был старше и крепче всех, настоящая гроза здешней детворы и признанный вожак.

Детская дипломатия — штука удивительная. Никогда не угадаешь, куда она вильнёт: в одну минуту ребята могут самозабвенно драться, а в другую — стать неразлейвода. Вот и сейчас, забыв былые обиды из-за нехватки людей в команде, мальчишки охотно приняли Гоуданя в свои ряды. На самом деле многие втайне восхищались им. Гоудань не боялся взрослых, мог дерзко ответить любому обидчику, да и отец его почти никогда не порол — зависть, да и только!

Получив командование, Гоудань с азартом повёл своё воинство в бой. Команду соперников они разгромили в пух и прах, причём не один раз. К концу игры на ребятах не осталось живого места — все были с ног до головы в грязи и поту.

Особых правил в этой «войнушке» никто не соблюдал. Простая палка заменяла винтовку, а звуки стрельбы заменялись звонким детским «тра-та-та!». Даже будучи трижды «убитыми», бойцы всё равно вскакивали и продолжали бегать по полю — споры о том, кто в кого попал, решались уже на ходу.

Ближе к вечеру шумная гурьба отправилась отмываться на речку. Но хрупкому перемирию пришёл конец: двое мальчишек принялись шутки ради прыскать водой в Ван Сюаня. Тот отчаянно пытался увернуться, но хулиганы только пуще хохотали.

Гоудань дважды думать не стал. Он с ходу кинулся в драку, знатно разукрасив обидчикам физиономии. Едва те с громким рёвом побежали жаловаться родителям, Гоудань наскоро ополоснулся, схватил Ван Сюаня за руку, и они припустили к дому.

— Гоудань-гэ, а если их мамка с папкой придут разбираться? — с тревогой спросил Ван Сюань. Страх перед разгневанными взрослыми был у любого ребёнка в крови.

— Пусть только попробуют! — храбрился Гоудань, хотя в глубине души тоже немного трусил.

Одно дело — дерзить ровесникам, и совсем другое — столкнуться с чужими разъярёнными родителями, которые горой стоят за своих чад. На собственного отца надежды было мало — Ли Сы и слова поперёк никому не скажет. Придётся защищаться самому.

Они долго прислушивались к шорохам у ворот, но, к их облегчению, никто так и не пришёл скандалить. Мальчишки наконец расслабились и принялись ждать ужина.

Кулинарными талантами Ли Сы не отличался. Налив в котелок колодезной воды, он на глаз бросил туда подготовленную мелочь и креветок. Как только вода закипела и рыба сварилась, он просто сыпанул туда соли — вот и весь суп.

Крупного व्यюна и змею он пока отложил — пусть хорошенько просолятся, их они съедят завтра

утром.

Тем не менее ужин показался ребятам пиром богов. Они жадно хлебали наваристый бульон прямо через край мисок, даже не замечая сильного речного запаха. Проголодавшись, они вычистили котелок дочиста.

— Вкусный суп, Гоудань-гэ, — сытно зажмурился Ван Сюань, вытирая рот рукавом.

В доме дяди ему редко перепало что-то горячее, не говоря уже о рыбе. О мясе по праздникам он и мечтать не смел. А здесь, у Гоуданя, его уже дважды поили сладкой яичной водой, а теперь ещё и рыбой накормили. Может, когда бригада начнёт делить зимнее мясо, ему достанется хотя бы парочка шкварок?

— Завтра снова за рыбой пойдём? — спросил он с надеждой.

— Завтра нет. Завтра я отведу тебя в одно тайное место.

Сумерки медленно опускались на деревню Сикань. Западный край неба полыхал густым пурпурным закатом. Слышались далёкие голоса матерей, сзывавших заигравшуюся детвору к ужину; квохтали куры, которых хозяйки загоняли в курятники. Птицы в ближней роще уже притихли, укладываясь на ночлег, и лишь бесшумные тени летучих мышей кружили в темнеющем воздухе.

Почти все семьи ужинали при последних отблесках уходящего дня. Керосина в лампе у Ли Сы давно не осталось, так что если бы они припозднились, пришлось бы есть впотьмах, ловя отсветы из печного устья.

Гоудань и Ван Сюань устроились на большом плоском валуне перед домом. Болтали босыми ногами, провожая солнце и вслушиваясь в угасающие звуки деревни. На душе было тепло и спокойно.

Когда совсем стемнело, Ли Сы вернулся с речки после купания и загнал ребят в дом спать.

Утро взорвалось оглушительным стрёкотом сорок. Деревня Сикань пробуждалась от ночного тумана мгновенно, без затяжных переходов: вот только стояла глухая тишина — и вдруг воздух наполнился кашлем, звяканьем чугунков, стуком топоров и детским плачем.

Солнце ещё не взошло, а в печи Ли Сы уже вовсю гудело пламя.

Он отмерил миску грубого зерна из ларя, который на днях прислал староста, решив добавить побольше воды, чтобы каша хорошенько разварилась.

Обернувшись, он ухмыльнулся: сын спал без задних ног, раскинув руки и ноги, а его маленькое хозяйство упрямо торчало кверху. Ли Сы потрепал его по плечу — пора будить парня, пока не надул в постель. С самого детства Гоудань любил пописать под себя во сне. В последнее время это случалось редко, но если на ночь напьётся воды да крепко уснёт — жди беды.

Разбудив заспанного сына, Ли Сы растолкал и Ван Сюаня. Полусонные, спотыкающиеся на ходу мальчишки побрели во двор справлять нужду.

Ван Сюань взбодрился быстро, а вот Гоудань, сделав дело и натянув штаны, так и остался стоять посреди двора, кляня носом. Кое-как добравшись до кана, он тут же рухнул на подушку и засопел снова.

— Сяо Сюань, шёл бы и ты поспал ещё, — негромко сказал Ли Сы. — Как каша сварится, я вас позову.

— Дядя, я уже проснулся, — мотнул головой мальчик. — Давайте я вам помогу с завтраком.

— Да ну, незачем, мал ты ещё у плиты крутиться.

— Дядя Ли, я умею готовить, честно!

Видя, что уговаривать Ван Сюаня вернуться в постель бесполезно, Ли Сы сунул ему в руки метёлку из прутьев:

— Ну тогда приберись во дворе, помощник.

<http://bllate.org/book/19654/1960911>